

рый не «знает россами владеть», — но этого указания нет, а взамен его следует сделанное в очень решительных выражениях заявление по адресу Екатерины:

«Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг», и т. д.

— заявление об уверенности в том, что Екатерина «знает Россами владеть».

Но, в сущности говоря, и уверенность в Екатерине явно звучит скрытою угрозой.

Такою же угрозой, как эта к носителям верховной власти, он заканчивает свое обращение к иностранцам. Отвергая возможность успеха иностранцев в том, «что было над российским родом» ими «умышленно», Ломоносов ссылается на географию страны («обширность наших стран измерьте»), на русское прошлое («прочтите книги славных дней»), на собственные впечатления иностранцев («чувствам собственным поверьте») и, наконец, на боевую силу и героизм народа не только в прошлом, но и в настоящем:

«Исчислите тьму сильных босв,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях, и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтаря» (строфа 21).

М. В. Ломоносов явственно показывает, что иностранцы не могут иметь на Руси того успеха, о котором они мечтают, и открыто грозит им за попытку осуществления ими своих замыслов.

Еще два замечания по содержанию оды. Во-первых, характерно, что обойденный переворотом Павел появляется лишь в предпоследней строфе оды; еще характернее, как он появляется: с между прочим брошенным указанием, что «спасен» переворотом «от сильных рук», с благословениями, пожеланиями, чтобы его «жизнь» была «прекрасна посреде наук», советом, как ребенку, «мужаться, в объятиях рожьдшей утешаться и бывши скорби забывать», с уверением, что «она», т. е. «рождьшая», Екатерина, «сама» все бури успокоит, щедротой, ревностью устроит» ему, Павлу и всему населению государства «прекрасный рай». Нигде ни слова, в каком бы то ни было порядке или смы-